

Он увидел, что Сун Юй лежал лицом к стене, лишь половина его головы была видна, и он заметил, что Сун Юй не спал на подушке.

Подушка же лежала рядом, внутри одеяла, и лоб Сун Юя упирался в нее.

Юэ Чжунсин внутренне содрогнулся. Ему показалось, что он случайно раскрыл какой-то секрет, или, скорее, его посетили мысли, о которых нельзя было говорить.

Эта ситуация вызывала у него недоумение и легкое беспокойство.

На следующее утро, когда он проснулся, крыша и углы двора были покрыты тонким слоем снега, сосульки свисали с карнизов, отражая свет.

Юэ Чжунсин спал не очень хорошо. Он встал, убрал ледяные осколки с дорожек и заметил, что Сун Юй еще не вышел из своей комнаты.

Обычно в это время окна его комнаты уже были открыты.

— Дядя Сун, вы встали? — спросил Юэ Чжунсин, стоя у двери.

Не получив ответа после нескольких попыток, он без колебаний вошел внутрь.

Печка уже давно погасла, и в комнате было холодно и душно.

Человек на кровати, казалось, сохранял позу прошлой ночи. Юэ Чжунсин нахмурился и, наклонившись к кровати, позвал:

— Дядя Сун? Дядя Сун?

Сун Юй лежал с закрытыми глазами, брови сведены, из носа доносилось легкое хрипение.

Юэ Чжунсин дотронулся до его лба, и на тыльной стороне руки сразу же почувствовал жар. У Сун Юя была температура.

— Дядя Сун, вы простудились, — похлопал его Юэ Чжунсин. — Подождите, я позову господина Чжао.

Глаза Сун Юя на мгновение открылись, затем снова закрылись.

Вскоре Чжао Линьцзян пришел вместе с Юэ Чжунсином, и после осмотра выяснилось, что Сун Юй простудился из-за ветра и плохого сна ночью.

Юэ Чжунсин сделал все, что рекомендовал Чжао Линьцзян, и температура Сун Юя постепенно начала спадать.

— Дядя Сун, поешьте что-нибудь, — Юэ Чжунсин сел у кровати с тарелкой каши.

— Нет аппетита, оставьте, — Сун Юй сел, тяжело дыша.

Юэ Чжунсин помешал содержимое тарелки ложкой.

— Уже полдень, вы ничего не ели с утра, нельзя болеть и не есть.

— Дайте немного остыть, — Сун Юй потер плечи, выглядел уставшим.

Юэ Чжунсин зачерпнул ложку.

— Скоро остынет, дядя Сун, не упрямитесь.

Эти слова звучали очень знакомо. Раньше Сяо Кань часто говорил Сун Юю, что он упрям.

— Если вам тяжело, я покормлю вас, — Юэ Чжунсин поднес ложку к его лицу.

— Дай мне тарелку, — Сун Юй отвернулся. — Выйди.

— Ладно, — Юэ Чжунсин положил ложку обратно в тарелку и передал ее. — Осторожно, еще горячо.

После того как он вышел, Сун Юй начал есть кашу с безразличным видом.

Кулинарные навыки Юэ Чжунсина оставляли желать лучшего, и чем больше Сун Юй ел, тем больше чувствовал горечь во рту.

В каше не было ямса, лекарство пили без сахара, болезнь лечили без Сяо Кана, и Сун Юй чувствовал, что от этой болезни ему не хватало воздуха.

Юэ Чжунсин ждал за дверью, рассчитывая время, и, когда подошло время, зашел забрать тарелку.

Сун Юй все еще не вставал, продолжая спать в полусознательном состоянии. Днем Юэ Чжунсин приготовил лекарство, принес его в комнату Сун Юя и снова вышел, чтобы подождать.

Запах лекарства был настолько горьким, что Сун Юй едва пригубил его и не смог проглотить.

После внутренней борьбы он поднял чашу, запрокинул голову и выпил залпом.

Резкий, терпкий и горький вкус мгновенно распространился по его рту, и только что проглоченное лекарство тут же вырвалось обратно.

— Кхе... — Сун Юй постучал себя по груди, тяжело дыша.

Когда Юэ Чжунсин снова вошел, он увидел беспорядок у кровати и снова спящего Сун Юя.

Юэ Чжунсин молча принес еще одну чашу лекарства.

— Дядя Сун, вставайте, выпейте лекарство, — Юэ Чжунсин дотронулся до его лба и обнаружил, что температура снова поднялась, и, кажется, стала выше, чем утром.

— М... — Сун Юй приоткрыл глаза, но не двигался.

Юэ Чжунсин поставил чашу на табурет, одной рукой поднял Сун Юя и обнял.

— Я вас покормлю.

— Нет, не надо... — Сун Юй с трудом открыл глаза, чувствуя, будто его тело горит, как бумага, которая вот-вот рассыплется в пепле.

— Вы больны, — одной рукой Юэ Чжунсин крепко держал его запястье, другой — ложку.

Сун Юй покачал головой, пробормотав:

— Цзинъюнь, горько.

— Что вы сказали? — Юэ Чжунсин крепче сжал его запястье.

— Горько, — Сун Юй развел плечи.

Юэ Чжунсин словно загорелся, но, изменив тон, сказал:

— Дядя Сун, вы больны, Цзинъюнь вас покормит, хорошо?

Тело Сун Юя наконец успокоилось.

— ...

Юэ Чжунсин в конце концов сдержал то, что хотел сказать, и начал кормить его ложку за ложкой.

После того как лекарство было выпито, Юэ Чжунсин уложил его спать и долго сидел у кровати, разглядывая его, с некоторой обидой в сердце.

Он знал, что занял чужое место.

Когда человек на кровати начал дышать ровно и спокойно, обида в сердце Юэ Чжунсина исчезла.

Он наклонился, поднял прядь волос Сун Юя и понюхал ее. Свободная рубашка не могла скрыть бледную шею Сун Юя.

Горячее тело излучало легкий румянец, и мелкие сосуды на ушах Сун Юя были едва видны.

Юэ Чжунсин смотрел на это некоторое время, прежде чем с тревогой и чувством вины покинул комнату.

.....

Вечером пришел Гуань Яо.

Это был первый раз, когда Юэ Чжунсин видел Гуань Яо. За последние три месяца его не было в лагере.

Гуань Яо, увидев Юэ Чжунсина во дворе, удивился.

— Вы кто?

— Я... новенький, — как всегда ответил Юэ Чжунсин.

Гуань Яо осмотрел его и вдруг вспомнил, что Чжао Линьцзян рассказывал ему об этом.

— А, точно, кажется, вспомнил. Я Гуань Яо.

— Юэ Чжунсин, — скромно представился он, затем вспомнил что-то. — Второй глава.

Гуань Яо улыбнулся.

— А где Чунцзинь?

— Дядя Сун спит в своей комнате, — Юэ Чжунсин тоже начал разглядывать его.

— Ладно, пойду посмотрю на него, — Гуань Яо махнул рукой и направился к восточной комнате.

Юэ Чжунсин сразу же остановил его.

— Второй глава, дядя Сун... он спит в западной комнате.

Гуань Яо остановился, обернулся.

— Ах, точно, я всегда путаю восток и запад.

Юэ Чжунсин тоже улыбнулся, наблюдая, как Гуань Яо вошел в западную комнату.

Теперь он больше не сомневался и был уверен, что восточная комната была изначально комнатой Сун Юя, а западная — Сяо Кана.

Проще говоря, Сун Юй все это время занимал комнату Сяо Кана.

.....

Услышав звук открывающейся двери, Сун Юй сел на кровати, с удивлением на лице.

— Второй брат, ты вернулся?

— Вернулся вчера вечером, хотел зайти утром, но...

Гуань Яо замолчал. Он не мог сказать, что планировал прийти утром, но задержался с Чжао Линьцзяном и проспал.

— Но немного устал и поспал подольше, — полуправдиво закончил он. — Слышал, ты снова заболел? Как себя чувствуешь?

Сун Юй потер лоб.

— Лучше, после лекарства стало легче...

Тут он вдруг задумался. Он же помнил, что выплюнул лекарство, но потом, кажется, все-таки выпил?

Гуань Яо сел на кровать, потрогал его лоб.

— Температура?

— Да, снег выпал неожиданно, не успел подготовиться, — Сун Юй начал беспокоиться, не вспомнит ли Гуань Яо, что это не его комната.

— Ты всегда плохо переносишь холод, сейчас зима, не перетруждайся, эти дела могут подождать, заботься о себе, — пожаловался Гуань Яо.

Сун Юй кивнул, затем покачал головой.

— Не могу расслабиться.

— Отдыхай, я уехал всего на три месяца, а ты так похудел, — Гуань Яо не мог сдержать недовольства. — Если Цзинъюнь узнает, он меня упрекнет.

Сун Юй, который до этого опустил глаза, сразу же поднял их и посмотрел на Гуань Яо, сердце его забилось быстрее.

Гуань Яо сразу понял, что проговорился, и тоже занервничал.

В конце концов, они до сих пор не говорили об этом открыто.

Сун Юй всегда делал вид, что не знает о связи Гуань Яо и Чжао Линьцзяна, так же как Гуань Яо делал вид, что не замечает отношений Сун Юя и Сяо Кана.

— Второй брат, что ты имеешь в виду?

— Я... — Гуань Яо заколебался, стоит ли раскрывать эту тему. — Цзинъюнь уважает тебя, если он узнает, что ты часто болел эти два года, он будет волноваться.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16311/1471686>